

Г. А. Гаджиев

ВЕРОВАНИЯ ЛЕЗГИН, СВЯЗАННЫЕ С ЖИВОТНЫМИ

Следы почитания животных можно обнаружить в верованиях разных народов земного шара. Народы Дагестана в этом отношении не являются исключением. Лезгинские верования и обычаи, придающие отдельным представителям животного мира сакральное значение, до сих пор не были предметом специального этнографического исследования. Они сохранились в пережиточных, фрагментарных формах, вследствие чего вопрос об их происхождении требует специального анализа с широким привлечением сравнительных данных. Причем даже описательный материал представляет большой интерес, так как вскрывает неизвестные литературе черты народных воззрений и служит основой для более углубленного изучения традиционной культуры лезгин и, в частности, их культурных взаимосвязей с другими народами.

В основу статьи положен полевой материал, который автор, сам лезгин по национальности, собирал в течение последних лет среди лезгин Самурской долины.

Многочисленные поверия лезгин были связаны с крупным рогатым скотом — быком (*яц*) и коровой (*ккал*). Некоторые ритуальные действия совершались с целью активно воздействовать на результат труда. Это видно из обычая смазывать жиром рога быка при первой вспашке полей. С целью предохранения быка «от сглаза» на него вешали красные нитки и специальные амулеты, а пахарь держал в руках айвовую палку. Для первой вспашки выбирались упитанные, здоровые быки, чтобы их высокие качества магическим путем перешли на ожидаемый урожай. Нельзя было замахиваться на быка палкой, кричать, ругать его дурным словом, бить животное ногой, ибо все это могло привести к плохому урожаю. В старину был широко распространен обычай поднимать лежавшего быка, ласково потреляв его рукой по спине, приговаривая: «душевное, божественное животное» (*чан аллагьдин гьайван*). О больных животных заботились, как о человеке, и для исцеления вешали им на шею амулеты. Их, также как и людей, окуривали дымом руты (*гьарму-лаяр*).

Бык, видимо, считался в древности символом плодородия. Этим можно объяснить веру в получение хорошего урожая в случае, если поле предварительно окропить кровью жертвенного животного. Кроме того, для получения высокого урожая перед началом весенних работ приносили в жертву (*садакья*) специально выбранного быка, а куски его мяса раздавали односельчанам.

С той же целью иногда обводили вокруг засеянного поля корову. Чтобы сохранить в семье благополучие и достаток, корову обводили и вокруг жилого дома. У лезгин до сих пор сохранилась поговорка: «Корова — богатство дома» (*Ккал к'валин девлет я*). Лезгины и сейчас вспо-

минают, что в прошлом коровье молоко не продавали. Ни в коем случае нельзя было выносить молоко из дома в ночное время, ибо считалось, что вместе с ним уйдет и благополучие семьи. Коровье молоко хранили в особом сосуде с двумя ушками (*сернич*), в который запрещалось наливать другую жидкость.

Ряд суеверных представлений связан с бараном (*гьер*). Как и бык, баран был у лезгин излюбленным жертвенным животным. Бараньим мясом угощали соседей и родственников во время различных ритуалов (свадебного, поминального; при обряде исцеления от болезни). Кроме того, баран считался оберегом. Причем не только само животное, но и его рога, череп¹ и даже изображение. Упитанных баранов с большими рогами держали во дворе дома, где имелось много детей, чтобы «дурной глаз» чужого человека пал не на ребенка, а на барана. С этой же целью над входом в жилище укрепляли рога этого животного. Силой оберега наделялись также изображения (рельефы) бараньих рогов, которые вылеплялись на стенах домов. (Видимо, узор бараньих рогов в орнаменте народных вышивок и на коврах также имел ритуальное значение оберега.) С бараном связывалась символика благопожеланий. Например, на рога барана, которого вели в дом невесты перед свадьбой, повязывали белый платок в знак пожелания счастья. Считалось, что баранья шерсть делает человека бесстрашным. Как и другие народы Дагестана, лезгины особенно почитали черных баранов. Бытовало поверье, что мозг черного барана укрепляет ум, глаза — зрение, печень и сердце придают храбрость. Больных лихорадкой заворачивали в шкуру, только что снятую с барана и сохранившую еще его тепло. Наиболее подходящей для этих целей считалась шкура черного барана. Этот обычай был распространен почти у всех народов Дагестана.

Козел (*кьун*) играл двойственную роль в верованиях лезгин. С одной стороны, как и в Средней Азии, считалось, что злой дух (*шайтан*) принимает облик козла (возможно, причиной этого послужил драчливый и упрямый характер животного). С другой стороны, бытовало убеждение, что шайтаны не любят и боятся козлов. Поэтому иногда козла (как и у русских) держали в хлеве вместе с другими животными для защиты от «нечистой силы». Козла с большими рогами пускали в стадо для отвода «дурного глаза»². Не случайно лезгинская поговорка гласит: «В стаде с козлом богатства много» (*Кьун суьруьдин девлет я*). О связи козла с идеей плодородия говорит лезгинский обычай рядиться козлом и собирать по домам пожертвования для новогоднего весеннего праздника (*яран сувар*).

В лезгинских поверьях придается также сакральное значение собак (*кицл*). Считалось, что в доме, где держат собаку, злые духи не приближаются к человеку. Ей приписывалась способность предчувствовать чью-либо кончину, поэтому говорили, что собака воеет «к покойнику». Считалось, что в облике собаки показывалась душа плохого, презираемого всеми человека. Для защиты «от сглаза» к одежде ребенка пришивали зуб собаки, а ее кал вместе с другими предметами, зашитыми в матерчатый мешочек, носили как талисман. Обычай предписывал обязательно накормить голодную собаку. Убить собаку считалось большим грехом.

Древние традиции, связанные с отношением народа к собаке, получили в позднейший период мусульманскую окраску. Среди лезгин имели хождение легенды о различных мусульманских святых. В них собака изображалась как верный спутник хозяина. В одной из таких легенд рассказывается, что враги замыслили убить святого и вырыли глубокую яму на дороге, по которой он должен был пройти. Собака перепрыгнула

¹ О черепе барана в роли оберега см. Р. М. Магомедов. Новое время и обычай. Махачкала, 1966, с. 34.

² Из этих же соображений шут, непременно сопровождавший канатоходца, рядился в козла.

через замаскированную яму и дала знать хозяину об опасности. В другой легенде говорится о собаке, которая принесла слепому хозяину голубины перья, чтобы он обвел ими вокруг глаз и этим вернул себе зрение.

Кошка (*кац*, *пси*) тоже имела сакральное значение. Ее нельзя было бить, а убийство кошки считалось большим грехом³. Старики и сейчас рассказывают нравоучительную легенду, связанную с кошкой и пророком Мухаммедом. Как-то раз пророк, вставая, увидел на поле своего одеяния (*валчагъ*) спящую кошку; чтобы не разбудить ее, он отрезал полу. Впрочем, широко бытовало и поверье о том, что в загробном мире кошка выступает как враг человека: она будто бы мажет салом тонкий, как волос, мост, чтобы человек, ступив на него, упал и очутился в аду⁴.

Если лезгин встречал ночью или рано утром кошку (собаку) в местах, где не ожидал их увидеть (сарай, хлев, заброшенный дом, мельница), он думал, что ему явилась чья-то душа. Причем в виде кошки показывалась душа хорошего, уважаемого человека.

Петух и курица символизировали плодородие и были обязательны в ритуале лезгинской свадьбы. Вареную и жареную птицу (курица, петух) родственники всегда приносили в дом жениха и невесты в день свадьбы. В свадебную еду жениха (*бега*) должен был обязательно входить жареный петух.

Как и многие другие народы, лезгины считали, что крик петуха прогоняет злых духов. До сих пор старшее поколение помнит рассказы о людях, которых будто бы мучили ночью злые духи; крик петуха избавлял их от кошмарных видений. Домашняя птица играла роль жертвы в колдовском обряде; для избавления от недуга, причиненного якобы злым духом джинном (*чинер*), знахарь (*джиндар*) должен был в момент изгнания джинна держать около себя черную курицу. После обряда ее резали и закапывали вместе с определенными вещами у порога дома больного, или же (чаще всего) где-либо в другом месте, о котором никто не должен был знать. Считалось, что «злой дух» вселился в черную курицу и его следует закопать вместе с ней. Особенно действенным обряд был в том случае, если джиндар имел при себе зуб волка, медведя или кость лисы — предметы, отпугивающие злых духов.

При трудных родах у порога дома, где находилась роженица, резали курицу или петуха и их кровью окропляли землю, чтобы «злые духи», наносящие вред роженице, остались у излюбленной ими крови. Лезгины верили, что пение петуха днем предвещает гостя, квохтание курицы, похожее на кукареканье петуха, сулит беду. Такую курицу следовало сразу убить во избежание смерти члена семьи.

Интересен обычай распределения частей зарезанной курицы (или петуха) в семье лезгина. Голова полагалась главе семьи, задняя часть — хозяйке дома, ноги — сыновьям (чтобы они «встали на ноги» и быстрее принесли пользу семье), основа крыльев — дочерям (которые должны «улететь» из дома, т. е. выйти замуж), шея — молодой матери (чтобы ребенок рос крепким). Видимо, в основе этого обычая лежит вера в магическую силу мяса домашней птицы. Особые свойства приписывались и куриным яйцам (или их скорлупе), которые держали на видном месте в углу жилого дома, где имелся малолетний ребенок, чтобы отвести от него «дурной глаз».

³ Такое же отношение к кошке отмечено у персов и азербайджанцев. См. *Мамед-Гасан-Эфендиев*. Село Лагич Геокчайского уезда Бакинской губернии. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXIV, отд. II, Тифлис, 1901, с. 76.

⁴ Подобное поверье существовало и у аварцев. См. *Г. Ф. Чурсин*. Авары. Этнографические очерки. — «Рукописный фонд Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР», ф. 5, оп. 1, д. 165, ед. хр. 1570.

Наряду с домашней птицей, лезгины почитали также голубей (*лиф*) и ласточек (*чубарук*). Голубя называли божественной птицей, которая будто бы послана Алахом разрыхлять поля пророка Мухаммеда⁵. Голубиные яйца считались действенным средством от различных болезней и злых духов. Поэтому в доме, где были маленькие дети, лезгины считали нужным держать на видном месте яйцо голубя для отвода «дурного глаза». Появление голубя на крыше или крыльце дома, где растет ребенок, считалось хорошим признаком. Радость предвещало и щебетание ласточек. Яйца ласточек также использовались как верное средство против «сглаза». Человека, даже случайно убившего голубя, проклинали односельчане. Большим грехом считалось также убить ласточку и разрушить ее гнездо, несмотря на то, что привычка этих птиц устраивать гнезда в потолках жилых помещений создавала лишние заботы по уборке. Если кто-то убивал птицу, то грех падал на всех его родственников и людей, которые присутствовали при этом.

Такое отношение к птицам имело в своей основе культ предков, так как считалось, что в их виде к людям являются души. По традиционным представлениям лезгин, душа человека, в особенности уважаемого, отличавшегося при жизни добротой, мудростью, имевшего много детей, прожившего долгую жизнь, покидает тело в образе голубя. Порою и сейчас старые женщины, увидев голубя на крыше своего дома, выражают уверенность, что перед ними душа кого-нибудь из предков, посетившая дом. Покидающая тело душа могла будто бы принять также вид ласточки, соловья, бабочки. Если в момент смерти человека лезгины видели этих птиц или бабочек, то они думали, что это душа умершего, которая не успела еще улететь далеко от дома. При кончине близких принято было открывать окна и двери, чтобы душа могла беспрепятственно вылетать из помещения. Считалось, что в самом доме душа невидима и может быть доступна глазу только за его пределами. Если кто-то видел в жилище «душу покойника» (т. е. случайно залетевшую птицу или бабочку), это означало, что он должен скоро умереть.

Душами предков, естественно, считались и птицы, собиравшиеся на кладбище. Для них на могилы родственников сыпали зерно, клали хлеб. Если птиц прилетало много (в особенности голубей или ласточек), то это считалось хорошим предзнаменованием.

Птиц следовало кормить не только на кладбище, но и всюду, где они появлялись — у дома, на улице. Лезгины, заметив около своего дома стаю голубей или ласточек, обязательно выносили на крышу зерно или хлеб. Еду для птиц оставляли также на святых местах у почитаемых могил (*nlup*), священных родников. Ласточек и голубей не отпугивали от токов, когда веяли зерно. Их присутствие рассматривалось как доброе предзнаменование. Если птицы не появлялись, то для них на току оставляли специальную долю. Предполагалось, что души умерших, получив пищу, будут, как и прежде, покровительствовать родственникам⁶.

Некоторые суеверные представления лезгин Самурской долины были связаны с дикими животными.

Волк считался олицетворением храбрости. О смельчаке говорили: «У него волчье сердце» (*Адаз жанавурдин рикI ава*). Чтобы ребенок рос отважным, ему давали съесть вареное сердце волка. Думали, что собаки, питающиеся волчьим мясом, становятся бешеными. Больных детей проносили на перекрестке трех дорог через петлю, вырезанную из шкуры волка. Магический иммитативный обряд заклинания вора также

⁵ Во многих религиях Древнего Востока — у сирийцев, финикийцев, египтян — голубь играл роль «птицы божьей». Хорошо известен он и в христианской символике.

⁶ Видимо, с представлением о душах предков, воплотившихся в птицах, связан лезгинский обычай купать бездетную женщину в воде, в которую заранее бросали гнездо ласточки с птенцами (не причиняя им вреда).

имел связь с волком; надо было сжечь волчью кишку и произнести: «Пускай ты высохнешь, как эта кишка» (*Вун ин рад хъиз агаз хъуй*).

Бездетные женщины в надежде на материнство носили с собой за пазухой (или пришитым к одежде на уровне плеча) высушенный и завернутый в материю половой орган волчицы⁷, медведицы или лисицы. Убить волчицу (медведицу, лисицу) считалось преступлением для женщин. По поверьям у нее после этого не должно было быть детей.

Интересно, что лезгинское слово *жанавур* (волк) — описательный термин, воспринятый от ираноязычных или тюркоязычных народов, у которых он означает «живое существо» (например, кумыкск. *джанавар*, узбек. *жонивор*). Следовательно, еще в далеком прошлом происходила табуация слова «волк».

Медведь (*сев*) не занимал такого места в поверьях лезгин, как волк, хотя судя по легендам некогда у лезгин, как и у многих народов, существовало представление о родстве медведя с человеком. Медвежье сало применяется в народной медицине как средство против туберкулеза. Клыкам медведя (как и зубам волка и кабана) приписывали магическую силу. Их пришивали к детской одежде, считая, что «клык» предохраняет «от сглаза». Медвежью лапу вешали на пасеке на дерево или шест, чтобы к ней не могли приблизиться «злые духи».

Лису (*сикI*) считали умным и хитрым животным. Лисьи лапы пришивали к одежде маленького ребенка (или изображали на ней), надеясь, что это благотворно повлияет на развитие его умственных способностей. Кусок лисьей шкуры, как и череп лисы, прикрепляли на видном месте, чтобы оградить «от сглаза» дом, огород, пасеку. С этой же целью лисьи кости помещали на фасадах домов в особенности во время строительства, чтобы не сглазили мастера-каменщика.

Заяц (*къуыр*) слыл пугливым животным, тем не менее именно его изображения вывешивались для отпугивания птиц от посевов: на возвышенных участках поля на палках выставлялись пугала в виде тряпичных зайцев. На стенах строящихся домов вешали уши зайца, изображали их и на детской одежде, считалось, что они вызовут смех у людей, а это не позволит «дурному глазу» нанести вред. С той же целью использовались и заячьи зубы, пришитые к детской одежде. Древнее поверье обещало удачу лезгину, путь которого перебежал заяц. Если это случилось по дороге домой, то путника будто бы ждала радостная весть.

На куниц (*цуцIул*) лезгины охотились, но, увидев их около дома, не трогали, а, наоборот, кормили, считая, что куница охраняет домашнее благополучие (на самом же деле она наносит большой ущерб хозяйству, уничтожая домашних птиц). По народной примете, рыжая куница — к солнечной погоде, белая — к снегу, даже если она покажется летом.

Наиболее интересны представления лезгин, связанные со змеями (*мурдар*, *гъулегъ*), живущими в домах. Увидев в доме змею, лезгины обязательно ставили перед ней хлеб с маслом или молоком. Шум на потолке лезгины часто объясняли тем, что змея голодна. Чтобы ее накормить, в щель между бревнами в потолке клали хлеб с маслом. Бытовало твердое убеждение, что недоброжелательное отношение к «домашней змее» может привести к несчастью.

Во многих селениях до сих пор популярна быличка, служащая выразительной иллюстрацией этого поверья. Рассказывают, что хозяйка одного дома отсутствовала целый день, а возвратившись не заметила домашнюю змею, устроившуюся спать в очаге, и разожгла огонь, причинив змее боль. Змея сочла, что хозяйка сделала это намеренно, и решила погубить ее, отравив ядом молоко в кувшине, которое та собиралась выпить. Однако в дом зашла соседка, которой хозяйка с горестью расска-

⁷ Такой же обычай был отмечен и у самаркандских узбеков. См. З. П. Соколова. Культ животных в религиях. М., 1972, с. 115.

зала о случившемся, упрекая себя за оплошность. Поняв, что ей не желали зла, змея насыпала в молоко сор, сделав его непригодным для питья⁸.

Почитание змеи отразилось также в представлении о магической силе выползка — змеиной шкуры, сброшенной во время линьки. Считалось, что человек, имеющий при себе змеиную шкуру, становится бесстрашным и неуязвимым для злых духов. Еще большей силой будто бы обладает тот, у кого есть змеиный язык. У лезгин имелись медные чашки с изображением змеи; верили, что налитая в такую чашку вода становится исцеляющей, священной. Изготовленные искусными мастерами браслеты в виде змеи охотно носили как амулет бездетные и больные женщины.

По поверьям лезгин, змея, живущая в доме, была одним из предков, покровительствующих семье. Дом, в котором не водилась змея, рассматривался как брошенный предками на произвол судьбы⁹.

Лягушке приписывалась магическая связь с дождем. Считалось, что кваканье ее в полдень предвещало дождь. Лезгинки верили также, что это животное могло насылать проклятие; тех, кого она проклинала, ждала большая беда. Убийство лягушки рассматривалось как тягчайшее преступление, которым человек навлекал на себя беду: в течение ближайших семи дней должен был умереть он сам или его любимый близкий родственник¹⁰. По лезгинским верованиям, лягушку не следовало брать в руки, иначе они могут покрыться лишаем. Люди, освободившие лягушку от змеи, считались наделенными особыми чудодейственными свойствами, способностью излечивать многие болезни. По поверьям, от прикосновения руки такого человека к горлу больного ангиной болезнью исчезала; он мог также обезболить тяжелые роды.

Другие представители животного мира, фигурировавшие в поверьях лезгин, не привлекали так внимание народа, как перечисленные выше. Верования и обычаи, связанные с почитанием животных, составляют часть традиционных религиозно-магических воззрений и обрядов лезгин.

* * *

К специфике лезгинских верований следует отнести поверья, связанные с зайцем, не отмеченные у других народов. Роль лошади в религиозных представлениях была незначительной; конь фигурировал как верный спутник героя в волшебных сказках, а в народной религиозно-магической практике применения не нашел (если не считать обычая выставлять конский череп как оберег «от сглаза»). Почитание других животных, упомянутых в статье, распространено у многих народов.

Так, почитание быка зафиксировано не только в Дагестане и в других районах Кавказа¹¹, но и в пределах обширного региона от Пиренеев до Юго-Восточной Азии¹². Широко известно и сакральное значение ба-

⁸ Следует отметить, что поверья, связанные со змеей, очень похожи на представления лакцев о существе кини — покровителе дома. См. *А. Н. Анучин*. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. — «Изв. Императорского географического общества», т. XX, вып. 4, 1884, с. 78; *А. Г. Булатова*. Лакцы. Махачкала, 1971, с. 178.

⁹ Поверье о том, что душа принимает облик змеи, существовало у многих народов. См., например, *Ю. Линперг*. История культуры. СПб., 1896, с. 372; *Э. Тейлор*. Первобытная культура. М., 1939, с. 406—407.

¹⁰ У других народов Дагестана, в частности у цумадинцев, при засухе было принято умерщвлять лягушку, разрезать ее пополам и высушивать, чтобы вызвать этим дождь (*Р. Магомедов*, *В. П. Дзагурова*. К истории земледелия в Дагестане. Махачкала, 1969, с. 20).

¹¹ *В. Н. Башилов*, *В. П. Кобычев*. Николайи кувд (осетинское празднество в честь патрона селения). — «Кавказский этнографический сборник», вып. 6, М., 1976; *А. Н. Сихарулидзе*. К вопросу о значении изображения быка на триалетских вешапах и вешапондах. — «Кавказский этнографический сборник», вып. IV, Тбилиси, 1972.

¹² *Дж. Фрэйзер*. Золотая ветвь, вып. III, М., 1928, с. 171 и др.; *С. П. Толстов*. Древний Хорезм. М., 1948; *Г. П. Снесарев*. Реликты домусульманских верований и обрядов

рана; использование рогов и их изображений в роли оберега особенно характерно для народов Средней Азии¹³. У многих народов Европы и Азии отмечена особая ритуальная роль козла и вера в связь этого животного с дьяволом (шайтаном)¹⁴. Следы почитания собаки прослеживаются в Средней Азии¹⁵. Оседлым народам этого региона свойственно приношение в жертву курицы, которая символизирует плодородие. Сакральное значение волка прослеживается у широкого круга народов от римлян и славян до древних тюрков¹⁶. Медведя выделяли среди животного мира практически все народы, знавшие этого зверя¹⁷. Змея и лягушка также заняли важное место в верованиях многих народов. Широко известен и обычай заворачивать больного в шкуру животного¹⁸.

Широкая распространенность описанных верований свидетельствует об их древности, ибо сходство поверий во многих случаях является результатом культурных и родственных связей народов, устанавливавшихся в процессе этногенеза. Рассматривая поверья лезгин, мы ясно видим следы влияния ираноязычного мира (подтверждением этому служат терминология и ряд элементов культуры, в частности, специфика демонологических персонажей, обычай ритуального употребления руты и др.). Но общность представлений о сверхъестественных свойствах животных у народов многих стран, несомненно, восходит к эпохе более древней, чем появление на исторической арене индо-европейских народов.

Каков первоначальный характер почитания упомянутых в статье животных? Лезгинский материал не дает, к сожалению, возможности ответить на этот вопрос и реконструировать древние формы поверий. Вполне возможно, что бык, волк, медведь, змея и другие животные могли некогда быть тотемами предков древних лезгин, но аргументов в пользу этого предположения в лезгинских верованиях нет. Признавая, что тотемизм был универсальным этапом в развитии религиозных верований человечества, мы вместе с тем полностью разделяем мнение ученых, которые призывают к осторожности в интерпретации материала и считают, что далеко не все формы сакрального отношения к отдельным представителям животного мира уходят корнями в тотемизм¹⁹. Лишь древнее представление о приобретении человеком свойств животного после того, как будет съедена определенная часть его мяса, а также родоплеменные названия и предания о происхождении рода, племени от определенного животного можно поставить в непосредственную связь с тотемизмом.

Описанные здесь верования и ритуалы лезгин связаны главным образом с животными, играющими значительную роль в хозяйстве. Почитание собаки и петуха, возможно, несет на себе черты традиций,

у узбеков Хорезма. М., 1969, с. 308—315; Г. Г. Стратанович. Ритуальное убийство быка.— «Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии». М., 1970.

¹³ Г. П. Снесарев. Указ. раб., с. 230, 315—317; В. Н. Басилов. О пережитках тотемизма у туркмен.— «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР», т. VII, Ашхабад, 1963; Т. Д. Баялиева. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972, с. 17—18.

¹⁴ С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX века. М.—Л., 1957, с. 57—58; Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. М.—Л., 1936, с. 14; В. Н. Басилов. Культ святых в исламе. М., 1970, с. 63—64.

¹⁵ Г. П. Снесарев. Указ. раб., с. 319—322; Т. Д. Баялиева. Указ. раб., с. 19—20.

¹⁶ С. А. Токарев. Указ. раб., с. 44—47; Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л., 1950, с. 220—221.

¹⁷ Дж. Фрэнгер. Указ. раб., вып. IV, М., 1931, с. 36—49; Л. Я. Штернберг. Указ. раб., с. 430; Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. Л.—М., 1936, Г. Ф. Чурсин. Указ. раб., с. 83. Обзор материалов см. также: З. П. Соколова. Указ. раб.

¹⁸ Д. К. Зеленин. Указ. раб., с. 251; «Таджикки Каратегина и Дарваза», вып. 2. Душанбе, 1970, с. 268—269.

¹⁹ С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, с. 76; Г. П. Снесарев. Указ. раб., с. 307.

запечатленных в Авесте²⁰ (в свою очередь, имеющих более глубокие корни)²¹. Что касается лягушки, то здесь в основе специфических поверий лежит издавна подмеченная человеком связь ее с водной средой.

О древности религиозных представлений, связанных со многими из упомянутых здесь животных, свидетельствуют археологические материалы²², но и они, к сожалению, могут лишь отчасти раскрыть содержание архаических воззрений.

Нетрудно заметить, что лезгинские поверья и обычаи, связанные с животными, дошли до наших дней в весьма несовершенном виде и нуждаются в привлечении сравнительных данных для объяснения их специфических черт. Наряду с этим среди верований все же имеются некоторые представления, которые делают понятными не только связанные с ними традиции самих лезгин, но и близкие обычаи многих других народов. Такие представления имеют особый интерес для историков религии.

Прежде всего лезгины, как многие народы Кавказа и сопредельных регионов, широко использовали черепа животных в качестве оберегов «от дурного глаза». С этой целью на видном месте помещались черепа разных животных — как почитаемых, так и «нечистых». Однако преобладание черепов медведя, волка, быка, барана, собаки, лошади позволяет предположить, что в древности оберегами были преимущественно почитаемые животные.

Среди лезгин широко распространены различные предания, повествующие о том, что будто бы были случаи, когда встретившиеся охотнику дикие животные (олени, туры, медведи, волки, лисицы, куницы) просили не убивать их и взамен обещали охотнику благополучие и исполнение желаний. Бытовало твердое убеждение, что этих животных убивать нельзя, ибо в их облике человек встречал своих умерших предков. Встреча с таким животным считалась хорошим предзнаменованием, означавшим, что в доме всегда будет благополучие и изобилие, благодаря покровительству предков (в частности, тех, которые явились в образе диких зверей). Впрочем существовало и другое мнение, по которому человек мог встретить в облике животного и своего предка, не пользовавшегося при жизни уважением из-за дурных качеств; такая встреча сулила неприятности и даже близкую смерть одного из членов семьи.

Вера лезгин в то, что души умерших людей являются в виде животных характерна не только для них: в той или иной форме она отмечена у многих народов. Тем не менее этот материал ценен, так как подтверждает тот факт, что вера в способность души принимать образ животного является единой для широчайшего круга народов закономерностью в развитии религиозных верований.

Изложенные в статье сведения раскрывают неизвестные прежде черты религиозных воззрений, знание которых обогащает наши представления о традиционной культуре народа. Этнографические параллели, легко отыскиваемые за пределами Дагестана и всего Кавказа, убеждают на новых примерах, что изучать традиции народа нельзя в отрыве от его исторических связей с населением соседних регионов. Наконец, бытование связанных с животными верований в рамках мусульманской религии свидетельствует о том, что ислам у лезгин, как и других народов «мусульманского мира», не существовал в «чистом» виде, а вобрал в себя многие пережиточные культы и представления, оставшиеся от прежних религий.

²⁰ А. О. Маковельский. Авеста. Баку, 1960, с. 75 и др.

²¹ Ю. А. Рапопорт. Из истории религии древнего Хорезма, М., 1971, с. 25—26.

²² Так, в древности вместе с покойником в могилу клали и голову быка, коровы, барана. См. М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 23. Наскальные изображения рассмотрены в работе: В. М. Котович. Идеологические представления раннеземледельческих племен Дагестана.— «Рукописный фонд Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР», ф. 3, оп. 3, д. 355, ед. хр. 6015